

СТАТЬИ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ В 1917—1918 ГОДАХ

М. Снегирёв

26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд советов принял один из первых декретов советской власти — декрет о земле. Этот декрет имел поистине историческое значение: пролетарская революция устанавливала фактическую национализацию земли.

Через несколько месяцев после издания этого декрета, 19 февраля 1918 г., был опубликован «Основной закон о социализации земли». Он развивал основные положения декрета о земле. Эти два важнейших аграрных закона, изданные советской властью на самом первом этапе её существования, определили собою формы великого аграрного переворота в деревне в конце 1917 г. (октябрь — декабрь) и в течение всего 1918 года.

«Основной закон о социализации земли» подтвердил «отмену всякой частной собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы» и установил, что «земля без всякого (явного или скрытого) выкупа» отныне переходит «в пользование всего трудового народа». Статья 3-я этого закона объявляла, что «право пользоваться землёй принадлежит лишь тем, кто обрабатывает её собственным трудом», и что это «право пользования землёй не может быть ограничено ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством».

Закон о социализации указывал, что «распределение земли между трудящимися» должно производиться «на уравнильно-трудовых началах», для чего надлежит разработать «особые нормы землепользования по районам, не превышающие производственные возможности хозяйства и обеспечивающие безбедное существование трудовой крестьянской семьи.

Уравнильное по нормам распределение земли, по выражению В. И. Ленина, было «душой» «Основного закона о социализации земли».

Закон предусматривал деление страны на производственные зоны с учётом сложившихся историко-экономических условий; изучение почвенных различий по районам; учёт населения и фонда передаваемых ему земель; выработку конкретных норм наделения землёй по каждой производственной зоне. Таким образом, требовалось проведение таких обширных земельно-учётных и землераспределительных работ, перед которыми даже генеральное межевание, длившееся почти целый век, могло показаться мероприятием, сравнительно малым. Но партия большевиков приняла лозунг «уравнильности землепользования» как условие, обеспечивавшее в то время укрепление союза пролетариата с трудовым крестьянством.

Необходимо подчеркнуть, что наряду с указанной тенденцией «Основной закон о социализации земли» предусматривал также организацию коллективного пользования землёй. Статья 11-я «Основного закона» одной из задач земельных органов считала: «Развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счёт хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству». В соответствии с этим в перечне субъектов, имеющих право на пользование землёй, статья 20-я «Основного закона» указывала в первую очередь сельскохозяйственные коммуны и сельскохозяйственные товарищества.

Следовательно, в «Основном законе» «Советская власть дала прямое преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место»¹.

Подготовка к распределению и самое распределение между трудящимся крестьянством помещичьих, церковных и других видов нетрудовых земель начались осенью 1917 г. и зимой 1917—1918 г., как только делегаты II Всероссийского съезда Советов вернулись на места, как только в деревню проник декрет о земле. Начали с выяснения и учёта населения, желавшего получить землю, и помещичьих и других земель, подлежащих конфискации. Никким образом не следует представлять дело так, что эта подготовительная работа происходила в спокойных условиях и заключалась лишь в простой статистико-экономической выборке необходимых сведений. Помещики и кулачество, эсеры и белогвардейцы (в особенности в прифронтовых губерниях) всеми силами стремились сорвать осуществление перераспределения нетрудовых земель. Даже простое, казалось бы с первого взгляда, дело составления поселенных списков для наделения землёй оказывалось предметом сильной классовой борьбы. Всё же к маргу—апрелю эту работу в основном удалось закончить, и ранней весной 1918 г. на местах началось распределение помещичьих, церковных, удельных и других нетрудовых земель между окрестным крестьянским населением.

Летом и осенью 1918 г. землераспределительные работы в основных районах РСФСР (где это было осуществимо) уже были окончены. Ликвидация нетрудового землевладения и передача его на принципе уравнительного землепользования трудящемуся населению деревни и города в основных районах РСФСР были полностью завершены в конце 1918 года.

В. И. Ленин, выступая в декабре 1918 г. на I Всероссийском съезде земотделов, комбедов и коммун, охарактеризовал истекший период как первую стадию в развитии Октябрьской революции, посвящённую «главным образом, победе над общим врагом всего крестьянства, победе над помещиками»².

14 февраля 1919 г. было издано «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», основные принципы которого были разработаны при непосредственном участии В. И. Ленина на I Всероссийском съезде земотделов, комбедов и коммун в декабре 1918 года.

Начиная с весны 1919 г. в советской деревне наряду с землераспределительными развернулись новые землеустроительные работы. В подготовке и проведении великой земельной реформы самое деятельное участие приняли местные советы, земельные органы и крестьянский актив деревни. Значительную роль сыграли также специалисты сельского хозяйства (землеустроители, агрономы и др.).

Ряд авторов называет землераспределительные работы 1917—1918 гг. «временным распределением земель». Такое же определение этих мероприятий советской власти мы находим в некоторых губернских и уездных инструкциях, изданных в развитие «Основного закона о социализации земли». Однако мы считаем такой термин весьма условным. В самом деле, в 1917—1918 гг. было ликвидировано нетрудовое землевладение, были проведены очень большие землераспределительные работы, которые в корне изменили аграрные отношения в РСФСР. Вновь сложившиеся отношения — замена землевладения землепользованием, перераспределение земель между отдельными слоями деревни,—явившиеся важнейшим

¹ Ленин, Соч. Т. XXIII, стр. 399.

² Ленин, Соч. Т. XXIII, стр. 420. На этом же съезде (11 декабря 1918 г.) было отмечено, что за истекший период «по 22 губерниям... в распоряжение отдельных крестьянских хозяйств поступило из общего земельного фонда 81%, советским хозяйствам было отдано 4%, коммунам около 1% и неразделённой земли осталось 14%» («Труды I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун». Вып. 1-й, стр. 13. М. 1919).

результатом Октябрьской революции, сформировали новый аграрный строй. Поэтому нельзя говорить о «временности» распределения земель в 1917—1918 годах. В последующие годы (1919—1920), когда начаты были работы по «Положению о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», Наркомзем указал местным земельным органам, что «перераспределение земель, находящихся во временном пользовании (в результате работ 1918 г.)... как общее правило, не допускается». Изъятия из этого правила «допускаются лишь в особо уважительных случаях — для ликвидации наиболее острых недостатков землепользования (напр., исключительное дальнеоземелье и т. п.)». Наркомзем подчёркивал в этом циркуляре, что «не следует перedelывать сделанное, ломая уже сложившиеся земельные отношения... надо только сформировать их применительно к «Положению о соц. землеустройстве»³

Эти материалы подтверждают, как мы полагаем, мысль о необходимости отбросить термин «временное распределение земель», нередко до сих пор ещё встречающийся в литературе.

При распределении земель руководствовались «Основным законом о социализации земли». Следует, однако, иметь в виду, что при громадном разнообразии местных условий, когда только складывался новый государственный аппарат, провести «Основной закон» в жизнь оказалось возможным только в его основных принципах, а не во всех деталях.

Перераспределение земель, успешное и быстрое проведение национализации земли зависели от целого ряда моментов. Большое значение в первую очередь имели условия классовой борьбы, а также пути и сроки установления на местах советской власти. Губернские и уездные съезды советов, уездные и волостные крестьянские конференции, исходя из общих начал «Основного закона» и руководствуясь декретом о земле (с его органической частью — «Наказом 242-х»), применительно к местным условиям выработывали свои правила и нормы распределения земли. Поэтому великий аграрный переворот на самом первом этапе национализации земли происходил под сильным влиянием «власти на местах» — в лице уездных и даже волостных съездов, конференций, пленумов Советов крестьянских депутатов.

Решающее значение для успешного завершения национализации и перераспределения земель в том или ином районе (губернии, даже уезде) имела организационная работа только что созданных советов, умение со стороны последних проводить подлинно большевистскую, советскую политику, способность подавлять пагубное влияние «левых» эсеров, цеплявшихся в ряде уездов и даже губерний за руководство земельным делом. Большое значение для перераспределения земель в данной губернии и уезде имело также и то обстоятельство, насколько глубоко проникало в деревенские низовые организации (волостные земельные комитеты, в дальнейшем — в волостные земельные отделы местных советов) политическое и организационное влияние большевиков, эмиссаров советской власти, рабочих индустриальных центров. Следует также упомянуть о значении развернувшейся как раз зимой 1917—1918 г. острой борьбы за большевизацию волостных земельных комитетов, за очищение и высвобождение их от влияния «левых» эсеров.

При распределении земли сыграло роль и разнообразие местных особенностей крестьянского землепользования, на котором в большой степени отразился хозяйственно-бытовой уклад крестьянства в конце XIX и начале XX века. Местные особенности до известной степени определили дополнительные различия в подходе к распределению земель в отдельных губерниях и уездах. Более того: даже в различных волостях одного и того же уезда мы находим различные проявления великого

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 478, оп. 15, д. 18, л. 23.

аграрного переворота, например, в выборе единицы развёрстки при установлении нормы наделения пашней, сенокосом и другими видами угодий, в установлении контингента и очередности наделения землёй населения и т. п.

Таким образом, история национализации земли теснейшим образом была связана и полностью зависела от истории установления в данном районе советской власти.

Грозное и суровое время переживала тогда молодая Страна Советов... В первой половине 1918 г. «империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причём войной худшего типа»³. Занятие англо-французами Архангельска и Мурманска на севере, на юге поход против советской власти Краснова и Мамонтова, поддерживавшихся немецкими империалистами; мятеж чехословацкого корпуса на Средней Волге и в Сибири; восстания белогвардейцев на Северном Кавказе — всё это создало буквально огненное кольцо вокруг Советской страны. В силу этого национализацию земли удалось провести в 1917—1918 гг. лишь в следующих восьми районах⁴: северо-западном (Новгородская, Олонецкая, Петроградская, Псковская губернии); северо-восточном (Вологодская, Вятская губернии); западном (Витебская, Могилёвская, Смоленская губернии); центрально-промышленном (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Тверская, Ярославская губернии); центрально-чернозёмном (Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская губернии); средневолжском (Казанская, Нижегородская, Пензенская, Симбирская губернии); поволжском (Самарская, Саратовская губернии); нижневолжском (Астраханская губерния).

Из этой сводки, однако, должны быть исключены (в силу фронтовых условий гражданской войны и интервенции) западные и юго-западные уезды Смоленской, Новгородской и Псковской губерний; по тем же причинам декрет о земле нельзя было провести в жизнь в 1917—1918 гг. на значительной части Могилёвской и Витебской губерний. Гражданская война, вспыхнувшая в Сибири и Зауралье, помешала осуществить в 1918 г. национализацию земли в восточных уездах Вятской губернии (Елабужский и Сарапульский). В южных уездах Курской и Воронежской губерний также ощущалось влияние близкого фронта. Чехословацкий мятеж и белоказацкие налёты сильно тормозили национализацию земли в восточных уездах Казанской и Самарской и в южных уездах Саратовской губернии⁵.

Поэтому мы вынуждены концентрировать наше внимание на шести основных районах (картограмма № 1), где в 1917—1918 гг. ленинские законы о земле были проведены без особой помехи по условиям военного времени: центрально-чернозёмном (6 перечисленных губерний, за исклю-

³ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 217.

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 478, оп. 94, дд. 6, 8, 11 («О движении земельного преобразования по сведениям с мест»). Сводка нами составлена по отчётам губземотделов за 1918—1919 гг. и по «Обзору о деятельности НКЗ» за 1917—1922 годы. Название районов взято применительно к административной сетке, принятой Центрально-статистическим комитетом при разработке материалов переписи 1917 года.

⁵ Приведём несколько примеров: «По Курской губернии за 1918 год не могут быть даны сведения по оккупированным «германо-украинскими» войсками уездам: Белгородскому, Грайворонскому, Путивльскому... по Вятской губернии не включены сведения о ходе работ по распределению земель в 1918 г. в фронтовых уездах—Елабужском и Сарапульском» (ЦГАОР, ф. 478, 94, д. 6, лл. 37—38). В очень трудном положении оказалась и Казанская губерния. «Она находится в исключительных условиях. Коллегия губземотдела бежала (при восстании чехословаков), многие землемеры призваны на военную службу или тоже бежали.. новая коллегия, выбранная 13 сентября 1918 г., не имела

чением нескольких южных уездов Курской и Воронежской губерний); центрально-промышленном (полностью все 6 губерний); средневожском (4 перечисленные губернии, за исключением ряда уездов Казанской губернии); северо-западном (4 губернии, за исключением некоторых уездов Олонецкой и Псковской губерний); поволжском (2 губернии, за исключением восточных уездов Самарской и южных Саратовской губерний); нижневожском (Астраханская губерния, за исключением двух южных уездов).

**СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
ФРОНТОВ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1918 г.)**

УКАЗАНЫ НОМЕРА РАЙОНОВ,
В КОТОРЫХ В 1918 г. ПРОИЗОШЛО
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ

По остальным двум районам: северо-восточному (Вологодская, Вятская губернии) и западному (Витебская, Могилёвская, Смоленская губернии)—имеется меньше материалов о ходе национализации земли в 1917—1918 гг., так как отчёты губземотделов и Наркомзема указывают на «огромные трудности, с которыми пришлось столкнуться при проведении декрета о земле в условиях прифронтной, а зачастую и фронтной

возможности и данных для ознакомления с фондовыми (для распределения крестьянам) землями... Сведения о землях затребованы телефонограммами из уездов и волостей; телеграммами вызваны на свои места все землемеры», — так рисует условия проведения национализации земли отчёт Казанского губземотдела от 24 октября 1918 г. (там же, л. 40). К «Отчёту НКЗ за 1917—1922 г.» приложен даже особый «Список губерний и уездов РСФСР, на территории которых происходили военные действия в 1918—1921 гг.» (ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 243, лл. 15—20). Мы насчитали (по изучаемым 8 районам) 26 уездов, в которых в 1918 г. развернулись военные действия против немцев, чехословаков и др.

жизни» (Витебская губерния), на «невозможность передать землю трудовому крестьянству вблизи надвинувшихся врагов» (север и северо-восток Вологодской губернии).

Систематизируя и изучая местные инструкции, постановления о «временном распределении земель» волостных, уездных и губернских крестьянских съездов, отчёты губземотделов и их материалы к I Всероссийскому съезду земотделов, комбедов и коммун (декабрь 1918 г.), мы можем выявить характерные черты принципов и практики распределения земель — общие для подавляющего большинства тех 28 губерний, на территории которых в 1917—1918 гг. оказалось возможным практически осуществить декрет о земле и «Основной закон о социализации земли».

Рассмотренные нами 53 уездных инструкции (печатных) и более 100 постановлений и отчётов губернских и уездных земельных отделов (материалы ЦГАОР) дают возможность ответить на следующие основные вопросы:

1. Какое конкретное содержание вкладывалось на местах в понятие «уравнительное наделение» (какие земли подлежали распределению, чем определялся отвод земель отдельным селениям)?

2. Как решался вопрос о развёрсточной единице?

3. Как шло наделение определённых категорий населения различными видами угодий (пашней, сенокосом и т. д.)?

На первый вопрос мы можем дать следующий общий ответ: подавляющее большинство местных инструкций устанавливало необходимость произвести по возможности всеобщее и обязательное уравнительное перераспределение земель между всем трудовым населением данной волости, а затем между отдельными селениями и дворами. Каждый трудящийся земледелец (или вновь получающие землю бывшие батраки, безземельные и другие бедняцкие слои деревни) должен был получить такое же количество земли (в пересчёте на чаще всего применявшуюся развёрсточную единицу — на едока), как и его сосед не только по селению, но даже по волости. Стремилась также провести одновременно и качественное уравнение, т. е. наделить каждого трудящегося земледельца равным количеством земли «с одинаковой урожайностью» (практически это сводилось к наделению пашней и сенокосом с более или менее одинаковыми почвенными разностями).

В ряде местных инструкций и решений о правилах «всеобщего уравнительного передела земель» (например в Холмском уезде, Псковской губернии, в Городищенском уезде, Пензенской губернии, в Сердобском уезде, Саратовской губернии, и других) высказывалось настойчивое требование «поделить землю по всей этой (т. е. количественной и качественной.— М. С.) справедливости не только меж волостями, но и междуездно»⁶. На практике в подавляющем большинстве губерний было принято компромиссное решение: распределение земель весной 1918 г. провести как меру временную — примерно на один год, с тем чтобы в дальнейшем, при развитии земельно-учётных и топографических работ, уточнить и улучшить это наскоро проводимое «временное распределение» земель. Так, например, в инструкции по Новгородской губернии указывалось: «Мы должны, если можно так выразиться, провести распределение земли начерно, на скорую руку, т. е. провести его упрощёнными и ускоренными способами по более грубым плановым, оценочным и статистическим уже имеющимся материалам»⁷.

⁶ ЦГАОР, ф. 393, оп. 2, д. 28, л. 60.

⁷ «Инструкция по временному распределению земель в Новгородской губ.», стр. 10 введения (Новгород. 1918 г.); «Временная инструкция по распределению земли в Симбирской губ.», стр. 25, Симбирск, 1918 г., также отмечала, что «невозможность приступить к окончательным работам по проведению в жизнь «Основного закона»... заставила нас издать настоящую «Временную инструкцию»... и распределить земли между трудовым населением только на один год». См. также «Отчёт о деятельности Липецкого уездного земельного отдела, Тамбовской губернии, VII Большому Крестьянскому съезду». 1918 г. (ЦГАОР, ф. 478, оп. 115, д. 58, лл. 19—20, 36—37).

Одновременно с решением провести «временное распределение» земель (на 1 год) перед земорганами встал вопрос: все ли земли подвергать уравнительному распределению (т. е. произвести общий передел всех без исключения земель, как бывших помещичьих, так и крестьянских наделных) или ограничиться частным распределением «нетрудовых прирезок» из бывших частновладельческих, церковных и других нетрудовых земель? Вокруг этого вопроса, равно как и вопроса о выборе развёрсточной единицы для каждой волости и селения, с большой силой вспыхнула борьба между бедной и кулачеством. Кулаки стремились не допустить передела всех земель. В течение целых десятилетий они всяческими правдами и неправдами (от подкупа и до угроз бедноте «не дать семян в чёрный год») держали в своих руках лучшие общинные земли. Кроме того кулаки прикупали землю и непосредственно у помещиков и через Крестьянский поземельный банк (в особенности в годы столыпинской реформы 1906—1916 гг.).

Как известно, одной из главных причин кулацких антисоветских восстаний 1918—1919 гг. было сопротивление классового врага хлебной монополии советского государства. Не менее яростное сопротивление кулачества советской власти вызвало решительное требование бедноты на первом же этапе национализации земли, ранней весной 1918 г., произвести общий передел. Кулаки всеми способами — вплоть до вооружённых выступлений — отстаивали «свои купчие земли», стараясь не допустить их в «мирской котёл», для общего передела. Борьба за поравнение земель, конечно, способствовала развитию классового самосознания бедноты, сплачивала её вокруг местных советов, а во второй половине 1918 г. — вокруг комбедов. Беднота, стремясь добиться полного передела, надеялась лишить кулачество тех господствующих экономических позиций, которые оно заняло в дореволюционной общине, руководя делами сельского общества — «мира».

Исход этой великой борьбы, в результате которой «50 миллионов гектаров кулацкой земли перешло в руки бедноты и середняков»⁸, решали организованность и твёрдость бедняцко-середняцкой группировки того или иного селения. Конечно, огромное значение имела позиция местного совета — его умение решительными мерами подавить сопротивление кулачества.

И. В. Сталин отметил, что «декрет о национализации земли, отмене частной собственности на землю, запрещений купли-продажи земли и т. д., несмотря на то, что он не может быть признан декретом социалистическим, проводился у нас в борьбе с кулачеством»⁹.

В тех селениях, где беднота под руководством совета сумела тесно сомкнуться с середняками и получить таким образом на сходах большинство голосов, происходил полный передел и кулачество лишалось «своих коренных» земель, захваченных до революции у бедноты, а нередко и у «мира» в целом (мирские покосы, лес и т. п.). Случалось, как указывают архивные материалы (например отчёты эмиссаров, участвовавших в проведении в жизнь декрета о земле, отчёты инструкторов губземотделов по организации первых сельскохозяйственных коллективов и др.), в центрально-промышленных и поволжских губерниях бедноте приходилось прибегать и к «вооружённому воздействию». Так, в Новохопёрском уезде, Воронежской губернии, при распределении всей земли дело доходило до вооружённых столкновений бедноты с не желавшим расставаться со своей «коренной» землёй кулачеством¹⁰.

⁸ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 212.

⁹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 159. 11-е изд.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 478, оп. 118, д. 143, л. 33. Приведём один яркий пример борьбы бедноты с кулачеством из-за земли именно в этот период (яровой сев 1918 года):

«...Весной 1918 г. мужики согласились поделить землю на равных началах, но

В тех же селениях, где на первых порах советы работали недостаточно организовано, кулакам удалось весной 1918 г. (до организации комитетов бедноты) удержать в своих руках лучшие мирские покосы, ближайшие к селу уваженные пашни, продолжать аренду мирских мельниц и т. д. (например в Васильсурском, Рязанском, Мокшанском, Цивильском, Чебоксарском и других уездах).

Особенно много в архивных материалах сообщений о ярких примерах классовой борьбы бедноты с кулачеством во время полного передела наиболее ценных угодий (заливных лугов, лесов, рыбных ловель и т. д.). Так, во Владимирской губернии «зачастую делили все земли (и нетрудовые и «надельные»)». Наоборот, в Казанской губернии, «в Азелевской волости, Свяжского уезда, при разделе земли под яровой сев 1918 г. надельные земли в план передела не вошли, потому что этому решительно воспротивилась зажиточная часть крестьянства. Отказу от общего передела много содействовали муллы, запрещающие посягать на «чужие» земли «во имя корана»¹². Иначе обстояло дело в Жиздринском уезде, Калужской губернии, где «ряд волостей провёл передел всех земель, как это решила бедняцко-средняцкая часть деревни... и надельные земли и нетрудовые прирезки разделены по душам, по $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ десятины».

Как видим, самым острым был вопрос о принципах раздела земель (всех, включая надельные, или только прирезок нетрудового фонда). Зачастую в пределах не только одного уезда, но даже одной и той же волости, в зависимости от соотношения сил, вопрос этот получал различные решения: два селения, например, одной и той же волости решают делить «всю землю сплошь» (полный передел), а соседнее селение — лишь «одни прирезки» (передел частичный). Более того: иногда случалось, что в большом селении, где было несколько сельских обществ, одно общество решало «делить всю землю гуртом, включая и надельные земли», а другое, где кулацкое влияние оказывалось особенно сильным, ограничивалось лишь дележом «нетрудового нового фонда»¹³.

Борьба за полное распределение всех земель не ограничилась только весенним переделом 1918 года. Она продолжалась и при переделе под озимый сев, а затем и весной 1919 года. Поддерживаемая середняцкой частью села, беднота в одних местах раньше, в других позднее, но всюду добились того, что кулацкие и надельные (сверх принятой местной нормы) и купчие земли были включены «в общий котёл» для перераспределения.

Зажиточники откололись и не согласились на такие условия. Тогда у нас в селе Юрове был отряд свой сельский из 17 человек... Отряду беднота донесла, что землю не соглашаются делить собственники; тогда отряд с винтовками пришёл на сход искомандовал: «Бедняки, налево, богатые — направо...» и взяли винтовку наизготовку... Команду подал тов. Гарин: «Наизготовку — на богатых!» В это время зажиточные, на которых направили винтовки с требованием земли, пошли на соглашение разделить землю. Такая процессия длилась полчаса. Мужики стояли — ни слова, и сторона, не согласившаяся на раздел, лежала на полу лицом вниз, и была мёртвая тишина. Наконец, отряд отпустил богатых с предупреждением всем крестьянам — по первому зову колокольного звона приходить каждому гражданину на сход по земельному делу... Крестьяне остались очень довольны тем, что овладели землёй богатых, и приступили к делёжке» (Сборник «1917 год в деревне», стр. 184).

¹¹ ЦГАОР, ф. 393, оп. 14, д. № 41, л. 51.

¹² Там же, ф. 478, оп. 118, д. № 143, лл. 180—1. В селе Луганском, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии (хотя территориально эта губерния выходила за указанные нами географические рамки), общему переделу долгое время сопротивлялись богатые отрубщики. Но большинство крестьян всё же в конце 1917 г. объединилось вокруг бедноты, выбрало из бедняков «новую голову» села — солдата, сына бедной вдовы, — и, как указывают крестьяне села в своих воспоминаниях, «благодаря этому настойчивому парню, крестьяне добились общего передела земли» (Сборник «1917 год в деревне», стр. 262).

¹³ Автору этих строк уже в 1919 г. пришлось столкнуться (при землеустроительных работах на основании «Положения о социалистическом землеустройстве») с таким явлением в Кузнецком уезде, Саратовской губернии (сёла Неверкино, Русский Камешкир, Павловка и др.).

Что служило основанием для отвода помещичьей земли тому или иному селению, в особенности если на эту землю претендовало несколько селений сразу?

Отвод подлежащих распределению земель тому или иному селению прежде всего определялся земельной обеспеченностью крестьян данного села. В первую очередь получали «дорезки» (из бывших помещичьих земель) наименее обеспеченные селения (бывшие дворовые, «дарственники»), которые были вынуждены после 1861 г. десятилетиями арендовать землю — сплошь и рядом свои же «отрезки». Нередко поэтому крестьяне мотивировали своё требование о передаче им соседних помещичьих земель именно тем, что они «поколениями работали на этого помещика»¹⁴, выполняли барщину, платили ему «непосильный оброк» и т. п. В протоколах сельских сходов, волостных конференций зимой 1917 г.—весной 1918 г. нередко можно встретить формулировку: «Земля — нашего селения, потому что мы сотню раз её окупили отработками у нашего помещика-барина».

Обычно при распределении земли учитывались итоги установленного после 1861 г. землепользования для крестьян той размежки их с помещиком, при которой, по определению В. И. Ленина, в русской деревне в большом количестве появились «окольцованные», «замкнутые помещичьи полями» крестьянские наделы, вклинивание, вкрапывание, внешняя чересполосица и т. п. В таких случаях отвод земли селению производился так, чтобы в первую очередь уничтожить эти «живые остатки крепостничества». Вклинённые, вкрапленные, подхлывшие к самым крестьянским околицам помещичьи земли передавались именно тем селениям, которые десятки лет непосредственно страдали от такой помещичьей «размежки». Этим селениям в порядке ликвидации исторической несправедливости весной 1918 г. передавались старые «отрезные» земли, водопои, пастбища и т. п.

Но распределение земель в 1917—1918 гг. не смогло ликвидировать всех недостатков крестьянского землепользования. Для этого нужно было бы провести сплошное землеустройство и перераспределение не только помещичьих, но и всех наделных земель. Требовались весьма широкие мероприятия по расселению (внутри уезда или, в крайнем случае, губернии) и даже переселению (за пределы губернии, например, из центрально-чернозёмной полосы в Заволжье, в Сибирь и т. д.) значительного контингента трудящихся земледельцев. Поэтому решениями уездных и губернских съездов весной 1918 г. полный передел в целях землеустройства и поравнения всех решительно контингентов населения и был отложен на последующие годы.

Уравнительному распределению не подлежали, как уже указывалось, образцовые хозяйства губернского и уездного масштаба. К сожалению, этот принцип не всегда проводился на местах. Право выделения «образцово-показательных хозяйств», согласно пункту 13-му «Основного закона о социализации земли», принадлежало «органам советской власти». Местные же органы нередко толковали закон ограничительно, и благодаря этому многие имения, — несомненно, государственного значения — были переданы местному населению для раздела в трудовое пользование.

Выбор развёрсточной единицы, как мы сказали выше, являлся предметом ожесточённой борьбы внутри крестьянства. Кулачество настаивало на распределении земли по скоту или хотя бы по дворам. Беднота же требовала передела земли по едокам (по душам), вне зависимости от возраста и пола. Для бедноты требование кулачества о разделе земли по скоту было совершенно неприемлемо, так как кулацкие дворы имели в 2—3 раза больше скота, чем бедняцкие. Особенно острые конфликты на

¹⁴ Постановления ряда волостных конференций Моршанского уезда, Тамбовской губернии, Кузнецкого уезда, Саратовской губернии и многие другие.

этой почве происходили в районах с развитым животноводством, при разделе заливных лугов по рекам Оке, Волге, Суре и т. д. Передел земли «по скоту» происходил довольно редко. Сравнительно чаще встречался раздел земли «по дворам». Норма земли на двор (или на хозяйство) была принята, например, в Буйском уезде, Костромской губернии, в Новоржевском уезде, Псковской губернии. В подавляющем же большинстве случаев землю делили по едокам. Иногда этот вид развёрсточной единицы назывался ещё «живой душой», «живущей» и т. п. По едокам делили землю в центрально-чернозёмных районах РСФСР, в Поволжье, в ряде губерний центрально-промышленной полосы.

И. А. Кириллов¹⁵, освещая землераспределительные работы этого же периода, приводит характерные материалы по рассматриваемым районам о количестве десятин, приходившихся на едока (по губерниям), о количестве десятин бывших нетрудовых владений, поступивших в пользование трудового населения (в пересчёте на одного едока), об обоснованиях нормы земельного наделения (о развёрсточной единице). Согласно этим данным, по едокам делили землю в следующих губерниях¹⁶: Астраханской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Могилёвской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Смоленской, Тульской, Ярославской. По «рабочей силе» раздел земель происходил в большинстве уездов Петроградской, Рязанской, Саратовской и Симбирской губерний. «Смешанная норма», т. е. частично по едокам, а частично по рабочей силе (иногда даже по дворам), применялась в Казанской и Калужской губерниях. Многочисленные указания архивных материалов на применение этой же «смешанной нормы» мы встречаем по Тверской, Тамбовской и Самарской губерниям, не вошедшим в перечень И. А. Кириллова. Количество десятин, приходившихся на едока, по отдельным губерниям колебалось от 4,01 (Астраханская губерния) до 0,13 дес. (Костромская, Новгородская губернии). Преобладал «едоцкий надел» в 0,40—0,80 дес. (Пензенская, Симбирская, Смоленская, Тульская, Калужская и другие губернии).

В пользование трудового населения (в пересчёте на едока) поступило, по данным И. А. Кириллова, от 0,10 дес. (в крайне малоземельной, перенаселённой Курской губернии) до 3,69 дес. (в степной Астраханской губернии). Для большинства губерний (Орловской, Воронежской, Владимирской, Рязанской, Симбирской, Смоленской и др.) «дорезки земли на едока» равнялись 0,30—0,60 десятины.

Как же шли землераспределительные работы?

Необходимость распределить конфискованные земли в короткий срок перед весенним севом, взлётом паров и перед севом озимых исключала осуществление сложных землеустроительно-технических мероприятий. Для проведения их у земельных органов не было сколько-нибудь достаточного землемерного аппарата, не было и необходимого для этого руководства. «Основной закон», как мы отмечали, давал лишь общие указания для проведения этих работ. Ни сам закон, ни изданная в его развитие «Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земель» не содержали точно регламентированных технических норм. В 1918 г. в системе земельных органов было не более 1800—2000 землеустроителей¹⁷, мало было и агрономов. Земельные орга-

¹⁵ Кириллов И. «Очерки землеустройства за три года революции, 1917—1920 гг.», стр. 114. Петроград. 1922.

¹⁶ Конечно, в отдельных волостях или даже уездах встречались и отклонения от принятой общегубернской развёрсточной единицы: землю нередко делили и по дворам и по «смешанной норме», т. е. пашню — по едокам, а сенокосы — по дворам.

¹⁷ В «Журналах заседаний Совета землеустройства Наркомзема» имеются следующие убедительные цифры: «...для окончания развёрстки земель и землеустройства (с устранением дальнеземелья, чересполосицы и прочих недостатков) в течение 1 года

ны забрасывали Наркомзем жалобами на острый недостаток специалистов сельского хозяйства, в особенности землеустроителей. К работам по отводу земель привлекались и учителя и кооператоры — «все маломальски разбирающиеся в земельном деле лица, стоящие, конечно, на платформе советской власти»¹⁸.

Местные советы привлекали к работам по распределению земель крестьянский актив под руководством выделенных для этой цели членов волостных и уездных советов.

С этой точки зрения представляет интерес обращение I съезда земельных отделов и коммун Северной области (октябрь 1918 г.) к местному крестьянству: «Товарищи крестьяне! Никакие техники, ни даже земельные отделы, предоставленные сами себе, не смогут выполнить новую земельную реформу, если к этому не будет привлечено само население. Пусть каждый из нас приложит все свои усилия, чтобы помочь земельным отделам скорее выполнить свою задачу. Трудовой народ сам добыл свою землю и волю, теперь сам должен будет за собой закрепить эту землю, сам должен будет произвести своё землеустройство»¹⁹.

Техническая помощь специалистов сельского хозяйства (землеустроителей, агрономов, мелиораторов) выразилась, в сущности говоря, лишь в подготовке списков населения, земельно-учётных сведений, т. е. в камеральной стадии работ. Специалисты участвовали также и в комиссиях, посылавшихся уездными и губернскими земельными органами (по указанию исполкомов советов) для решения спорных конфликтов из-за земли между селениями и даже волостями.

Хотя в самом «Основном законе о социализации земли» и в местных инструкциях землю предлагалось отводить в одном массиве, уничтожать дальнеземелье и т. п., указания эти в значительной мере не выполнялись.

При распределении земель местные органы и прежде всего крестьянство стремились главным образом добиться уравнительности землепользования, ликвидировать крупное землевладение, раздробить его на мелкие участки и поскорее передать трудящимся в пользование, не обращая большого внимания на возникающие при этом неудобства землепользования. В ряде мест это привело к увеличению существовавших ранее недостатков организации территории. В стремлении получить «хоть по куску» земли от «каждого соседнего помещика» крестьянство сплошь и рядом увеличивало дальнеземелье, межселенную чресполосицу, дробность своих землепользований. Так, в отчётах уездных земельных органов Курскому губернскому съезду советов за 1918 и 1919 гг. в ряде уездов отмечался «значительный рост дальнеземелья, чересполосицы и мелких участков, которые теперь, после распределения на началах «строгой уравнительности» нетрудовых земель, в каждом селении утроились...»²⁰. Из Пензенской, Саратовской, Тамбовской губерний также сообщали об увеличении дальнеземелья (местами до 30—50 вёрст) и о дроблении наделных земель. Трудно, а подчас почти невозможно было сочетать «уравнительность» землераспределения с требованиями правильной организации территорий. Чтобы освоить вновь прирезанные

потребовалось бы 90,560 землемеров (!)... намеченный же состав — лишь 3,439... (данные относятся к концу 1920 г. ЦГАОР, ф. 478, оп. 83, д. 163. Картограмма: «Наличный технический состав»). В 1918 г. кадров по землеустройству было, конечно, ещё меньше.

¹⁸ Из докладной записки Саратовского губземотдела Наркомзему 15 апреля 1918 года.

Дело дошло до того, что в качестве землеустроителя был использован... сын помещика: «в Смоленской губернии молодой помещика выпустили только после того, как он принял участие в разделе земли между крестьянами. «Тебе, — говорили крестьяне, — виднее, где что, и как... чтоб без обиды...» («Голос трудового крестьянства» № 47 за 1918 г. «Конец помещиков», 1918).

¹⁹ Труды I съезда земельных отделов и сельскохозяйственных коммун Северной области. стр. 7. I—7 октября 1918 года.

²⁰ Отчёт Курского губернского земельного отдела губернскому съезду советов, стр. 17. 1919.

земли, крестьяне стали широко практиковать внутриселенные переделы: весной делили яровой клин, летом — пары. Такими переделами пытались выравнять пользование как старыми наделами, так и новой прирезкой.

Волостям и селениям земли отводились на основании имеющегося плано-картографического материала. Одним из первых мероприятий советской власти на местах было изъятие от землевладельцев межевых и землеустроительных планов. Наркомзем особым циркуляром (№ 496 от 16 марта 1918 г.) обязал земельные отделы изъять у помещиков все книги, планы и другие земельно-учётные документы, «необходимые для учёта земель, а также в виду стремления бывших собственников продать землю»²¹. В ряде случаев помещики отказывались передать землеустроителям планы своих бывших имений (например в Саратовской, Тульской, Московской и других губерниях). Иногда дело доходило до открытых столкновений. Ограничимся одним примером: в Тульской губернии, входившей в то время в состав Московской области, «помещиками были организованы карательные экспедиции против крестьян»; «благодаря не решительности военно-революционного комитета, столкновения до сих пор не разрешены...» — сообщил 13 декабря 1917 г. II областному съезду советов Московской области докладчик о деятельности крестьянских секций совета²².

Противодействие помещиков затрудняло учёт и распределение нетрудовых земель.

Кто же непосредственно руководил на местах «временным распределением» земель?

По этому вопросу следует вспомнить значение лозунга «Власть на местах» в тот, самый первый период организационно-политического строительства власти советского государства.

В. И. Ленин в своей исторической речи на II Всероссийском съезде советов при принятии декрета о земле отметил, что «мы пишем декреты, а не программу действий. Россия велика, и местные условия в ней различны»²³. Поэтому центральный земельный орган — Наркомзем — давал лишь общие указания на основании декрета о земле и «Основного закона о социализации земли». Основным органом, решавшим практические вопросы о разделе земель между волостями и селениями, был уездный земельный отдел. Он разрабатывал волостные нормы наделения, определял количество населения, подлежащего наделению землёй, улаживал споры волостей о границах и селений о дележе «помещичьего наследства» и т. п. Часто все вопросы, а также споры и претензии отдельных волостей и селений разрешались на уездных съездах советов. Но зачастую в уездах решали вопросы распределения земель, не считаясь с директивами губернского центра и даже самого Наркомзема, и устанавливали свои правила и нормы распределения земель. Это наблюдалось не только в сравнительно отдалённых от Москвы заволжских и северо-восточных районах, но и в подмосковных — Тверской и Ярославской губерниях.

Самым сложным вопросом техники землераспределительных работ была передвижка земельного фонда из волости в волость. Для облегчения этой операции уезд иногда делился на особые землеотводные районы, в состав которых включалось по несколько волостей. В пределах землеотводных районов путём более или менее несложных передвижек земель без длительных и дорогих съёмочных работ производились прирезки, изменялись границы волостей. Но чаще всего распределение земель ограничивалось пределами волостей. В таком случае межволостное поравнение не производилось. Волостной съезд окончательно решал вопрос, каким селениям и на каком основании передать землю из нетрудового фонда, где установить новые границы между селениями и т. п.

²¹ ЦГАОР, ф. 478, д. 59, оп. 2, л. 28—29.

²² Московский областной архив, ф. 370, оп. 1, д. 40, л. 7.

²³ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 23.

В соответствии с этими решениями земля распределялась в натуре. Землеустроители, где они были, составляли вначале (1917—1918 гг.) чертежи, а затем, в 1919 г. (по «Положению о социалистическом землеустройстве»), — сводные волостные карты с указанием границ отведённых земель для каждого селения.

Распределение громадного фонда нетрудовых земель между миллионами людей не могло не сопровождаться спорами и даже столкновениями между отдельными сёлами и деревнями, претендовавшими на одни и те же земли. Вот, например, типичное дело — спор двух соседних обществ о земле графа Толстого, — разбиравшееся в Ардатовском уездном земельном комиссариате Нижегородской губернии 2 июля 1918 года. Сущность дела сводилась к тому, что селению Чаадаевке было отведено 130 дес. из конфискованного имения Толстого, но из этого количества селение Булдаково самовольно захватило 31 десятина. Уполномоченные деревни Булдаково объяснили, что они по постановлению общества «согласны уступить загиб, приблизительно в котором находится земли десятина 9, а остальные 22 дес. наши, несмотря на то, что это земля излишняя против причитающейся нормы. Но мы всё равно уступать её не намерены». При расследовании дела на месте выяснилось, что поблизости имеется нераспределённый излишек земель другого помещика в 40 десятин. Поэтому было решено удовлетворить требование граждан селения Чаадаевки за счёт этих свободных земель помещика Тупицина. За селением же Булдаково «во избежание острых столкновений»²⁴ было решено «землю закрепить, так как оно уже успело её засеять».

Известны случаи и более острых столкновений. Дело ведь шло о распределении той самой земли, за которую крестьянство боролось с помещиками сотни лет. Например в сёлах Введенском и Ксизове, Воронежской губернии, делёж лугов происходил даже при помощи... пулемётов: «Три общества села Ксизова имели луговые участки под сел. Введенским, по другую сторону Дона. Село Введенское намеревалось скосить сено с этих участков. Село Ксизово в ответ установило пулемёты на своём нагорном берегу: угроза подействовала, до стрельбы дело не дошло»²⁵. Острый спор из-за границ произошёл между Козловским и Липецким уездами. А в Вязанской губернии имела место «настоящая битва» между тремя волостями из-за заливных Дединовских лугов на Оке. Очень сложное спорное дело возникло в Арипинской волости, Тверского уезда: «Крестьяне имеют земли в 3-х разных уездах: в Тверском уезде находится пашня, в соседних 2-х уездах — лес и луга. Теперь при разделе тверская отказывают»²⁶. Тревожные сведения поступали в Наркомзем из Орловской губернии: «Большой вопрос — распределение помещичьей земли между отдельными сёлами и деревнями... возможны конфликты»²⁷.

Но, подводя общий итог, мы должны на основании многочисленных отчётов и донесений с мест о ходе национализации и распределения земель в 1917—1918 гг. констатировать, что, учитывая огромный размах землераспределительных работ, острых столкновений между сёлами всё же было немного; местные материалы чаще всего отмечают: «Земли распределены... конфликтов не предвидится...», «Конфликты, намечавшиеся в Вышневолоцком у., Тверской губ., при распределении лугов в 3-х волостях, ликвидированы посылкой на места землемеров...», «Земли распределены без споров, по предварительной наметке землемеров» (Глазовский уезд, Вятской губернии, и др.)²⁸. Об этом же свидетельствуют и

²⁴ ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 91, л. 58.

²⁵ Келлер В. и Романенко И. «Первые итоги аграрной реформы», стр. 35.

²⁶ ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, ч. 90, лл. 216—217.

²⁷ ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. № 91, л. 170.

²⁸ ЦГАОР, ф. 393, оп. 33, д. 24, 25, лл. 172—180 и сл.

доклады инструкторов, объезжавших места в разгар работ по распределению земель в Нижегородской, Тверской, Курской, Северо-Двинской и других губерниях²⁹.

Несмотря на крайне сложные условия, местным крестьянским советам удалось провести ликвидацию помещичьего землевладения быстро и в достаточной мере организованно.

Составленные в ближайший 1919 г. волостные карты (по «Положению о социалистическом землеустройстве») распределения земель хорошо иллюстрируют произведённый в 1918 г. великий аграрный переворот. Так, например, в Арзамасском уезде, Нижегородской губернии, при «распределении» земель в 1918 г. село Спасское получило к своим 1780 дес. надельной земли 849 дес. нетрудовых земель; деревня Тряпгуши к 971,8 дес.— 309,6 дес., село Быков Майдан к 175,9 дес.— 414,6 дес. и т. д.

Враги советской власти, от белогвардейцев и интервентов до кулаков и эсеров, рассчитывали, что при ликвидации помещичьего землевладения неизбежно вспыхнет «ожесточённая борьба между деревнями, а затем и между городом и деревней в целом». Заграничная печать открыто надеялась на «неизбежные восстания» крестьянства против пролетариата именно на почве раздела помещичьих хозяйств, при дележе сельскохозяйственного инвентаря и т. п.

В связи с этим от партийных, советских и земельных органов требовалось особое напряжение сил, особая революционная настойчивость и выдержка. Необходимо было вести великий аграрный переворот в определённом, направленном к социалистическому строительству русле. Между тем в земельных органах на первых порах засело немало враждебных социализму людей, прямых саботажников или находившихся на поводу у эсеров. Все эти обстоятельства и условия военного времени, когда почти вся РСФСР была вооружённым лагерем, делали работу зем. органов по национализации и распределению земель весьма ответственной и трудной. Архивные материалы (главным образом отчёты за 1918 г. в связи с I Всероссийским съездом земельных отделов, комбедов и сельскохозяйственных коммун) содержат немало важных сведений о том, какую огромную роль при наличии правильного руководства сыграли местные советские и земельные органы как в ликвидации помещичьих имений, так и в охране сельскохозяйственного инвентаря от расхищения, а в особенности в организации первых сельскохозяйственных коммун и сельскохозяйственных артелей³⁰.

Огромное организующее влияние на крестьянскую массу оказывали представители партии большевиков и посылаемая ими в деревню литература.

«Связавшись с РСДРП(б) города Минска, передовики-крестьяне получили для волости большевистскую литературу. Литература и героismo передовиков сломали власть помещиков, хотя эсеровский исполком был на страже помещиков... эсеры пропагандировали, что земля помещика должна перейти к крестьянству за выкуп, т. к. она добыта их трудом... Очень помогла крестьянам брошюра «Большевики о земле», где всё подробно указывалось и рассказывалось и раскрывало глаза крестьянству... Вся беднота волости после Октября 1917 г. пошла за большевиками,

²⁹ Там же, оп. 33, д.д. 9 («Сведения по Северо-Двинской губернии и уездам»), 25 («Сведения по уездам Курской губернии»), 59 («Доклады командированных инструкторов по волостям Вышневолоцкого уезда, Тверской губ.»), 14 («Ответы на анкетные листы о положении местного хозяйства в Нижегородской губ.») и др.

³⁰ Недостаток места не позволяет нам, к сожалению, привести многочисленные материалы ЦГАОР и Калининского, Тульского, Московского областных архивов о первых «ростках социализма» в 1917—1918 гг. в сельскохозяйственных коммунах (состав, условия наделения землёй, обеспеченность инвентарём и др.).

связь с которыми крепла и крепла с каждым днём» (Белорученская во- лость, Минского уезда и губернии)³¹.

Несмотря на крайне трудную и сложную обстановку на многих фрон- тах гражданской войны, на расширение интервенции и наличие других важных общеполитических задач, Центральный Комитет партии больше- виков уделял большое внимание ходу национализации земли.

В. И. Ленин лично интересовался работой Отдела текущей поли- тики Наркомзема по организации «ростков социализма», как назвал В. И. Ленин первые сельскохозяйственные коммуны. В. И. Ленин про- сматривал ответы работников Отдела текущей политики Наркомзема— инструкторов по организации сельскохозяйственных коммун, ездивших на места. При Наркомземе издавался специальный «Информационный листок» (с 23 января 1918 г. по апрель 1919 г. вышло 170 номеров), в котором помещались материалы, получаемые Наркомземом (о ходе на- ционализации земли, о строительстве сельскохозяйственных коммун) непосредственно с мест — от ходочков, из сообщений инструкторов. Один экземпляр этого листка обязательно посылался В. И. Ленину. Внима- тельно наблюдая за первыми шагами социалистического строительства в деревне (рост сельскохозяйственных коммун, организация первых сов- хозов), В. И. Ленин вместе с тем обращал большое внимание на недопу- стимые в связи с этим перегибы со стороны местных земельных органов по отношению к трудящемуся крестьянству. В. И. Ленин и И. В. Сталин лично следили за установлением правильных взаимоотношений на местах при распределении земель между советскими хозяйствами, сельскохозяй- ственными коммунами и крестьянами-середняками. Когда в конце 1918 г. и начале 1919 г. некоторые губземотделы вопреки ясному указанию за- кона («Положению о социалистическом землеустройстве» 14 февраля 1919 г.) стали отбирать у селений уже переданные им в начале 1918 г. земельные фонды (из бывших нетрудовых хозяйств) и стали передавать эти земли совхозам и сельскохозяйственным коммунам, В. И. Ленин ра- зослал всем губземотделам (копию исполкомам) циркулярную телеграм- му, в которой указал, что «земли, находящиеся ко времени опубликован- ния «Положения о социалистическом землеустройстве» в трудовом пользовании крестьян и предоставленные им на основании постановле- ний или инструкций уездных или губернских земотделов, никоим обра- зом не могут быть отчуждены принудительным путём для организации советских хозяйств, коммун и прочих коллективных объединений. Изъя- тие земель из пользования крестьян для указанных организаций допу- стимо лишь при добровольном согласии в порядке землеустройства»³².

Представление о дававшихся на местах указаниях относительно установления правильных взаимоотношений между пролетариатом и тру- дящимся крестьянством на этом этапе социалистической революции даёт также директива И. В. Сталина от 7 мая 1919 г., направленная в гор. Шигры, Орловской губернии, чрезвычайному комиссару государ- ственного контроля. И. В. Сталин был в то время народным комиссаром государственного контроля. В этой директиве И. В. Сталин требовал сообщить, «поступали ли в крестьянское пользование земли нетрудовых элементов и на каких условиях... не были ли проявлены элементы принуж- дения в деле организации сельскохозяйственных коммун, артелей, обще- ственных запасек и т. д.»³³. Он также предлагал обратить внимание «на политику Главсахара в деле национализации земель под свеклосахарные плантации; не производится ли национализация с нарушением коренных интересов крестьянства; не причиняют ли национализированные земель- ные участки затруднений в крестьянском «землепользовании»³⁴.

³¹ Сборник «1917 год в деревне», стр. 25.

³² «Красный архив» № 5 (96), стр. 13. 1939.

³³ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 256.

³⁴ Там же, стр. 257.

Эти руководящие директивы, несомненно, имели исключительно важное значение, так как советские органы на местах (и в первую очередь наиболее близко стоявшие к аграрной реформе — органы земельные) оказывали огромное организационно-политическое влияние на ход аграрной революции. Организующая роль советских органов особенно сказалась в деле создания советских хозяйств, организации сельскохозяйственных коммун, охране сельскохозяйственного инвентаря, создании прокатных пунктов и т. д. Так, Ардаговский уездный совет, Симбирской губернии, решил открыть 3 новых школы и специальные курсы при опытных агрономических полях, «закрепив за этими просветительными учреждениями постройки бывших имений, во избежание их расхищения, и землю в количестве 130 дес., дабы эти культурные поля не пошли в общий передел земли»³⁵.

Немало усилий употребили земельные органы на сохранение в целостности известной Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции (бывшего имения)³⁶.

Большую заботу земельных органов мы видим и «О племенных рассадниках» (отчёты губернских земотделов Наркомзему за вторую половину 1918 г.). «Все племенные рассадники, — постановил II Тамбовский губземсъезд 21 октября 1918 г., — надлежит наделить землёй в таком количестве, чтобы её было вполне достаточно...» Постановлено было также (п. 6), что «для всех хозяйств, производящих национальные ценности (для свеклосахарных заводов, плантаций табачных и других спекультур, для опытно-показательных полей и т. п.), отводить землю в первую очередь и в количестве, потребном для развития этих учреждений в будущем»³⁷.

Земельные органы зачастую обращались к советам (уездным и даже губернским) с просьбой вынести специальные решения, запрещающие порубки государственных лесов, хищническое использование лугов и т. п. Волостные советы, как указывает ряд материалов, ещё с осени 1917 г. до организации комбедов, нашли верный путь к решению этого вопроса и обратились к деревенской бедноте с призывом «отогнать кулачество от расхищения имений и лесов» (решение Павловского сельсовета, Кузнецкого уезда Саратовской губернии, от 20 ноября 1917 г.).

Любопытен опыт Лебедянского уездного земельного отдела (Орловской губернии). Последний, стремясь обеспечить безинвентарную бедноту хотя бы минимумом сельскохозяйственных орудий, постановил: «В селениях распределяются все семьи на отдельные группы по несколько дворов или душ (десятки), и в эти группы распределяются пропорционально все безлошадные семьи, не имеющие никакого инвентаря...»³⁸. Мы должны согласиться со справедливым замечанием в материалах Наркомзема, что в описанном порядке «мы имеем, видимо, зародыш специальных инвентарных коммун»³⁹. Материалы ЦГАОР содержат немало указаний на то, что по этому пути пошли земельные органы и некоторых других губерний центрально-чернозёмной полосы, Приволжья и Поволжья; именно в этих районах особенно остро встал вопрос, как обеспечить возможность обработки полученной от советской власти земли для недавних батраков, безземельных (а следовательно, и почти безинвентарных) слоёв деревни.

Земельные органы решительно пресекали попытку разбазаривания и в особенности прямого уничтожения сельскохозяйственного инвентаря, а такого рода «разгромные» случаи (к сожалению, очень нередкие), всё

³⁵ «Советы в Октябре», стр. 214.

³⁶ «Инструкция к предстоящему распределению земли в Тамбовской губ.». (ЦГАОР, ф. 478, оп. 113, д. 58, лл. 29—30).

³⁷ ЦГАОР, ф. 393, оп. 26, 48, лл. 225—226 («Тамбовская губерния, губернский материал»).

³⁸ «Отчуждение и использование с.-х. инвентаря в 1918 г.», стр. 9. НКЗ. 1918.

³⁹ Там же.

ещё наблюдались при ликвидации помещичьих имений. Волна погромов имений, с особой силой прокатившаяся осенью 1917 г. в центрально-чёрнозёмной зоне (Тамбовская, Курская, Орловская, южные уезды Рязанской губернии), в Приволжье (Пензенская губерния) и Поволжье (Саратовская, Самарская губернии), резко упала только тогда, когда в деревню дошёл декрет о земле. Тов. Володарский в своей речи (29 ноября 1917 г.) на II Всероссийском крестьянском съезде советов подчеркнул, что декрет о земле внёс явное успокоение в деревню и крестьяне наконец-то убедились, что только советская власть смогла передать им помещичьи земли: «кто начал сжигать (помещичьи имения. — М. С.) — теперь щадит, как своё»⁴⁰.

Большевистские партийные организации, руководя распределением земель и сельскохозяйственного инвентаря, самым решительным образом боролись за сохранение имущества и инвентаря помещичьих экономий в целях использования их государственными, советскими хозяйствами или коллективами (сельскохозяйственные коммунны). Земельные органы, выполняя директивы партии большевиков, организовали учёт и охрану имений и сельскохозяйственного инвентаря, передавали сельскохозяйственные машины и орудия прокатным пунктам, требовали и действительно добивались возвращения похищенного инвентаря. Особенно большую роль сыграли местные партийные органы во второй половине 1918 г., когда в июле—сентябре они совместно с комитетами бедноты провели огромную работу по перераспределению сельскохозяйственного инвентаря бывших имений, т. е. по изъятию его у кулачества и передаче беднейшим слоям деревни.

В ЦГАОР (фонды 478 и 393) хранится большое количество материалов по вопросу о проведении в жизнь декрета о земле: отчёты эмиссаров, посланных в деревню для проведения национализации земли в ноябре—декабре 1917 г.; отчёты инструкторов по организации первых сельскохозяйственных коллективов; постановления волостных и уездных крестьянских съездов и конференций и др. Из этих материалов видно, какую огромную подрывную работу вели на местах эсеры, как правые, так и «левые».

Как лидеры, так и целый ряд рядовых членов партии эсеров всегда особенно решительно возражали против организации советских хозяйств на базе помещичьих имений. Известный коновод эсеров М. Спиридонова откровенно заявляла, что «советские хозяйства — вредные эксперименты, с которыми мы (эсеры) обязаны всячески бороться». Поэтому ещё осенью — зимой 1917—1918 гг. сплошь и рядом имело место установление настоящего блока эсеров и кулачества (включая сюда и бывших жандармов), азартно ратовавших за немедленный разгром всех решительно окрестных имений и даже заводов, библиотек, садов, племенных пунктов, промышленных, культурных и тому подобных организаций помещичьих хозяйств.

Более того: архивные материалы и опубликованные в периодической печати тех лет (1917—1919 гг.) документы с несомненностью устанавливают изумительное двурушничество прожжённых эсеровских дельцов: одной рукой голосуя за разгром имений, эсеры другой рукой помогали помещикам организовывать боевые дружины из кулачества и мелких землевладельцев для отпора эмиссарам советской власти и бедноте (Московская, Курская, Саратовская, Тамбовская губернии, в особенности последняя, где вскоре разыгралась известная «антоновщина»). Вот свидетельство по этому вопросу: «...Были ещё у нас «хорошие» попечители — эсеры. Жить нашему селу было нечем: 1750 десятин земли, разбитых на 700 «душ», были изрезаны межами. Соха ковыряла землю. Посевы зарастали пыреем. И вот эсеры обещали дать землю помещичью

⁴⁰ «Известия II Всероссийского крестьянского съезда». № 11, стр. 4. 1917.

крестьянам, но когда от слов надо было переходить к делу, — оказалось, что заботились они не о нас — бедноте и середняках, — а о кулаках. И когда советская власть и наша большевистская партия передали землю крестьянам, — эсеры подняли крестьянские восстания. Мы хорошо помним антоновский мятеж, который помогали ликвидировать»⁴¹.

Немало фактов о поддержке кулачества «левыми» эсерами⁴² приводили также делегаты — представители волостей на I губернском Тверском съезде советов депутатов (январь 1918 г.).

В своей борьбе против советской власти, в борьбе против ленинских земельных законов эсеры не гнушались решительно ничем. Они не остановились перед прямым союзом с гайдамаками и немецкими империалистами. «При поддержке германских империалистов южной части губернии (Курской. — М. С.) восторжествовали белые... Помещики расправляли крылья... Гайдамаки первым делом начали искать зачинщиков раздела земли и учинять над ними расправу»⁴³. «В помощь гайдамакам прибыл немецкий отряд. После пыток и издевательств 12 уполномоченных по разделу земли были расстреляны»⁴⁴.

«Левые» эсеры, пользуясь своим руководящим положением в некоторых губернских земельных органах, всячески поощряли махинации кулачества в его попытках захватить лучшие земли и притом по увеличенной норме, «вводя с целью сохранения кулацких хуторов двойные нормы надела в «культурных» (т. е. кулацких) хозяйствах, объявляя неприкосновенными наделные и купчие земли товариществ, на деле давно уже развёрстаные на единоличные участки». В Орловской губернии, как об этом свидетельствуют «Доклады инструкторов по 26 волостям от 27.XI—1918 г.», «образцовые имения уничтожались вчистую... работа лево-эсеровских земотделов заключалась в ликвидации бывших имений. Имения грабили местные население, — в первую очередь кулачеством. Прекрасно оборудованные здания бывших помещичьих домов превращались в голые стены, а кое-где и сами стены разбивались и увозились. Шло попросту расхищение народного достояния, притом безнаказанно»⁴⁵.

Дело дошло до того, что эсеры, стоявшие у руководства земельного комиссариата, сами «руководили» разгромом и расхищением имений: «В самый губернский комиссариат при губернском комиссаре Дыбенко свозились из имений Орловской губернии мягкая мебель, домашняя утварь и другие вещи. Когда и сколько было привезено, всё ли из привезённого осталось в сохранности, — неизвестно, так как этим вещам не велось никакого учёта, не было даже никакой описи»⁴⁶.

Лишь после изгнания эсеров из аппарата земельных органов это расхищение народного имущества было окончательно прекращено. В «Отчёте о деятельности инструкторов по организации с.-х. коммун по Орлов-

⁴¹ «Жить было невмоготу». Письмо бывших батраков села Вячки, Кирсановского района, Тамбовской области. «Правда» от 1 октября 1937 года.

⁴² ЦГАОР, ф. 393, оп. 26, д. 248, лл. 42—45.

⁴³ «Курск в революции». Сборник материалов Курского испарта, стр. 74—75. 1927 (Воловская волость, Грайворонского уезда, Курской губернии). Немцы помогали помещикам недаром: «Немцы с жадностью набрасывались на русский хлеб, сало... полными поездами отправляли продукты, скот в Германию... малейшее сопротивление вызывало жестокую расправу: с Николаевка была разгромлена немецкой артиллерией по незначительному поводу...» (стр. 75).

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 393, оп. 26, д. 114, л. 104.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 478, 1918 г., оп. 3, д. 8, л. 176.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 478, оп. 3, д. 8, 1918 г., л. 176. Более того: в докладе инспектора по организации коммун в Орловской области указано: «Расхищение народного достояния шло при прямом попустительстве со стороны земотделов. Впрочем, здесь не приходится удивляться, когда узнаешь о том, что даже быв. губ. комиссар земледелия Дыбенко занимался тем же расхищением, — напр., у него нашли привезённые из разных экономий компактную обстановку и даже полный выезд лошадей, кареты и пр. И это делал губернский комиссар! Что же оставалось делать «рядовым» эсерам, не говоря уже о крестьянах?» (ЦГАОР, ф. 478, оп. 9, д. 55, л. 4).

ской губ.»⁴⁷ отмечалось: «Так продолжалось до того времени, пока у власти не стали коммунисты. Они круто изменили положение вещей и авторитетно заявили: «Творить и создавать новые формы жизни не значит, что надо разрушать готовые аппараты налаженного хозяйства». Но уже более 50% хозяйств было разрушено. Особенно в этом отношении «отличился» Орловский уезд, сравнительно меньше пострадал Елецкий уезд. С момента реорганизации губзема дело пошло совсем иначе. Во главе встал коммунист»⁴⁸.

IV Орловский губернский съезд советов совершенно правильно констатировал, что лишь «с момента перехода руководящей роли в земельном отделе от «левых» эсеров к партии коммунистов совершена огромная работа в деле проведения земельной реформы на прочном фундаменте, отвечающем интересам беднейшего трудового крестьянства, а через него и всей советской России»⁴⁹.

Яркую картину разрушительных результатов «руководства» эсеров земельным делом встречаем мы в архивных материалах и по другой чернозёмной губернии — Воронежской⁵⁰.

Таким образом, целый ряд фактов приводит нас к выводу, что, являясь заклятыми врагами советской власти, эсеры противодействовали национализации земли и организации деревенской бедноты. Мало того: они решительно сопротивлялись созданию сельскохозяйственных коллективов и особенно рьяно боролись против советских хозяйств. Они требовали «разделить всё дочиста», «уравнять каждый вершок и соху» и т. п., лишь бы не допустить организации в бывших имениях совхозов. Эсеры вскоре докатились до создания чисто бандитских шайек для нападения на сельскохозяйственные коммуны, для разгрома совхозов и «сноса их до-тла» (Козловский и Моршанский уезды, Тамбовской губернии, Аткарский уезд, Саратовской губернии).

★
Проведение в жизнь первых земельных законов советской власти, фактически установивших национализацию земли, имело огромное историческое значение.

Во-первых, аграрные мероприятия советского государства сразу и бесповоротно уничтожили частное землевладение. Крестьянство «получило от Октябрьской социалистической революции более 150 миллионов десятин новых земель, которые раньше находились в руках помещиков, буржуазии, царской семьи, монастырей, церквей»⁵¹.

Только в 28 губерниях в течение первого же года (осень 1917 г. — осень 1918 г.) советская власть, несмотря на крайне трудные условия землераспределительных работ (гражданская война, интервенция, кулацкие восстания и т. п.) передала в пользование трудовому населению не менее 30 млн. десятин лучших, удобных для использования земель из бывшего нетрудового фонда (пашни, сенокосы, огороды и другие уголья сельскохозяйственного назначения).

Сохранившиеся в архивах⁵² материалы содержат значительное количество отчётов уездных и губернских земельных отделов, подробно

⁴⁷ Аналогичные материалы по Тульской губернии находятся в том же деле № 8, фонд 478, оп. 3.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 478, 1918 г., оп. 3, д. 8, лл. 153—155.

⁴⁹ Мы находим в архивных материалах по центрально-чернозёмной полосе многочисленные указания на то, что «левые» эсеры, засевавшие в губернских земельных комитетах и земельных органах, давали директивы в волости (в хуторских районах) о двойных нормах падедения хуторян землёй, об изъятии у хуторян (и то лишь в крайнем случае) только неудобных земель («окраек», «запольных») и т. п.

⁵⁰ «Труды 4-го губ. съезда раб., кр. и крест. депутатов Воронежской губ.» (28—31 августа 1918 г.). «Доклад коллегии Комиссариата земледелия», стр. 54—55.

⁵¹ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 200.

⁵² ЦГАОР по фонду 478.

рисующих как общий ход национализации земли, так и особенности местных реальных условий проведения в жизнь первых ленинских земельных законов⁵³.

Сводным материалом, обобщающим всю проделанную на местах огромную землераспределительную работу, является отчёт Наркомзема «О движении земельного преобразования по сведениям с мест на 1 ноября 1918 г.»⁵⁴. Материал этот тем более ценен, что он основан на первоисточниках (на полях погубернских сводок, в примечаниях обязательно имеется указание на точную дату и материал, присланный губземотделом) и даёт сведения не только о ходе национализации нетрудовых земель, но и о количестве земель, предоставленных в каждом уезде сельскохозяйственным коллективам и советским хозяйствам.

Материал систематизирован по следующим рубрикам: 1) губерния и уезды; 2) общая площадь нетрудового фонда; 3) распределено из этого фонда; 4) отведено совхозам: а) число хозяйств, б) площадь в десятинах; 5) отведено сельскохозяйственным коллективам: а) число сельскохозяйственных коммун, б) площадь в десятинах, в) осталось нераспределённых земель; 7) примечание.

Этот материал был выслан Наркомзему губернскими земельными отделами осенью 1918 г. в ответ на циркуляр от 16 сентября 1918 г. за № 23, который требовал «срочно представить сведения о ходе земельного преобразования, при чём должны быть даны материалы: о наличии в губернии общего фонда земель, не находившегося к февралю 1917 г. во владении трудового населения; о количестве земель, распределённых из этого фонда между населением; о количестве земель, оставленных для образования советских хозяйств, то же в отношении с.-х. коллективов; и о количестве остальных земель фонда (общая сумма по п. 2, 3, 4 и 5 должна быть равна итогу пункта 1)».

Наркомзем попытался, следовательно, произвести единовременный учёт бывших нетрудовых земель и их распределения в процессе национализации земли. В деле имеется комплект телеграфных (первичных) донесений губернских земельных управлений, а затем и полугодовых отчётов (за 1918 г.), ярко характеризующих общие условия (фронт, налёты белоказаков, бандитские и кулацкие выступления и т. п.) распределения земель в 1917—1918 гг. в юго-восточных, юго-западных и южных губерниях той части РСФСР, где, несмотря на яростное сопротивление внешних и внутренних врагов молодой Республики советов, всё же оказалось возможным провести в жизнь декрет о земле и «Основной закон о социализации земли».

Земельные управления губерний сначала сообщали, что ответ на циркуляр № 23 для них «затруднителен, а по некоторым уездам и невозможен», выставляя в качестве основных причин уже хорошо известные аргументы о «неполноте или даже полном отсутствии по отдельным уездам земельно-статистических материалов», о «недостатке землеустроителей для проведения этих спешных работ» и т. д. Но Наркомзем категорически потребовал «переброски части землеустроителей именно на эту работу», настаивая на корректировке силами техников-съёмщиков сведений в натуре, на сверке и сличении имеющихся плановых материалов.

К концу 1918 г. и в начале 1919 г. Наркомзему удалось получить от местных земельных органов материал о результатах национализации

⁵³ Дела губземотделов «О ходе аграрной реформы». «Отчётные сведения о распределении земель в 1917—1918 гг.» и др. ЦГАОП, ф. 478, оп. 6, д. 94, лл. 75—80.

⁵⁴ Рамки настоящей работы вынуждают нас сконцентрировать внимание не на всех 8 районах (28 губерниях), в которых в 1917—1918 гг. произошло распределение земель, а ограничиться лишь итоговыми данными и самой краткой характеристикой работ, проделанных в основных районах РСФСР.

и распределения земель по восьми основным районам РСФСР (в поезде-ном разрезе).

Общие итоги работ по распределению удобных (с. = хоз. значения) земель и организации советских и коллективных хозяйств за 1918 г. (до 1 ноября) могут быть представлены (в порайонном разрезе) следующей таблицей:

Районы	Общая пло-щадь нетрудо-ного фонда (дес.)	Распределено на 1 ноября 1918 г. (дес.)	Оставлено для обра-зования со-ветских хозяйств		Отведено сельскохозяйствен-ным ком-мунам		Осталось не-распредел. (дес.)	Примечание
			число хоз.	площ. (дес.)	число хоз.	площ. (дес.)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Северо-Западный	2 431 721	639 627	214	132 655	183	38 610	1 620 829	„Разница (26,01 дес.) объясняется неточн. учёта в прифронтовых участках“ „Нет след. о зем. фонде в Киргизск. степи“
2. Северо-Восточный	404 438	209 721	69	64 273	24	6 604	97 8,6	
3. Западный	1 555 344	937 913	63	45 601	64	18 165	553 665	
4. Центр-Промышленный	2 224 883	1 143 116	256	95 646	220	25 915	960 205	
5. Центрально-Чернозёмный	4 817 825	4 319 850	679	75 276	133	29 253	293 976	
6. Приволжский	2 452 654	2 310 984	67	14 731	18	1 407	125 532	
7. Поволжский	6 334 100	4 000 989	28	97 872	39	8 800	2246 439	
8. Нижне-Волжский	3 669 300	3 500 000	нет	свед.	10	3 300	166 000	
Итого	23 890 095	17 062 200	1 376	626 054	691	132 054	6 043 778	

Таким образом, национализация земли, несмотря на яростное сопротивление землевладельцев и кулачества во главе с их конводами — эсерами — была в основном завершена в течение сравнительно короткого срока — с осени 1917 г. до лета 1918 года. За эти 7—8 месяцев крестьянство 28 губерний РСФСР (главным образом центральных районов, так как на востоке — за Уралом — и на юге — на Украине — интервенция, гражданская война и кулацкие восстания помешали осуществить декрет о земле) именно в этот срок получило (как показывают произведённые нами поездажные подсчёты по материалам отчётов губземотделов)⁵⁵ в своё трудовое пользование до 30 млн. дес. удобных для сельскохозяйственного использования земель (бывших помещичьих, удельных, церковных и др.), причём до 1 ноября 1918 г. по 22 губерниям РСФСР (без Сибири, Урала, юго-западных губерний) было передано трудящемуся крестьянству 26,5 млн. дес. удобных сельскохозяйственных земель. Такие же примерно цифры приведены в «Обращении VII Всероссийскому съезду советов и крестьянству»: «Из 23 млн. пахотных десятин земельного фонда в пользование крестьян (на 1/X—1918 г.) перешло 20 млн. десятин, а 3 млн. десятин осталось под советскими и коллективными хозяйствами»⁵⁶.

К приведённым расчётам о количественных результатах национализации и распределения земель следует добавить две важные поправки. Во-первых, отметим, что в подсчёты Наркомзема не вошли кулацкие покупные земли. Как известно, поездажные материалы «Статистики землевладения» по переписи 1905 г. дают возможность установить эту категорию земель (применительно к началу XX в.). Последующая столыпинская аграрная реформа ещё более увеличила категорию этих земель. Поэтому фонд нетрудовых земель, полученных крестьянством в результате Октябрьской революции по рассматриваемым нами районам, должен быть увеличен. Наши предварительные и неполные (поездажные) подсчёты дают цифру около 8—10 млн. десятин. Следовательно уже на первом этапе крестьянство (в 28 губерниях) получило в пользование в первые полтора года существования советского государства не менее 40 млн. дес. удобных для ведения сельского хозяйства земель. Во-вторых, следует особо отметить, что распределение земель происходило

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 478, оп. 94, д. 6, лл. 7—20, 42—50, 80—86.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 10, д. 41, л. 82.

не только в 1917 — 1918 гг., а и в первой половине 1919 г. (Северо-восточный, Западный, Нижневолжский районы). По освещаемым нами 28 губерниям в течение ноября 1918—июня 1919 г. трудящемуся крестьянству, как указывают отчёты губернских земельных отделов за 1919 г., фонд № 478, дополнительно передано 4,8 млн. дес. удобных земель. Кроме того из государственного земельного фонда в первом полугодии 1919 г. крестьянству передано удобных земель 3,5 млн. десятин.

Заметим также, что по указанным выше причинам распределение земель в 1917—1918 гг. произошло в районах наиболее обжитых, густонаселённых, где нетрудовой земельный фонд в пересчёте его на едока не так значителен. Передача нетрудовых земель трудовому народу, продолжавшаяся в других районах РСФСР в последующие годы (после разгрома интервенции, Колчака, контрреволюционных «правительств» на юге и востоке, а также при проведении земельно-водной реформы в Средней Азии), всюду вызвала огромный подъём классового самосознания бедноты⁵⁷.

Вот почему никоим образом нельзя сводить великое значение национализации и распределения земли только к количественным показателям — к одному лишь указанию на общие цифры переданных крестьянству земель. Именно этим пороком страдают выводы многих авторов, касавшихся освещаемого вопроса; Б. Н. Книпович, например, ограничивается лишь картограммой фактического увеличения площади земли на едока после Октябрьской революции, добавляя: «В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины, лишь в немногих оно достигает одной десятины»⁵⁸. Эта констатация, повторяем, одних количественных результатов явно недостаточна.

Б. Н. Книпович ограничился делением общего числа десятин бывших нетрудовых земель на число всех крестьянских едоков, т. е. всех трёх социальных слоёв деревни (бедноты, середняков, кулаков). Но ведь в то время как безземельные и малоземельные получили очень значительное количество бывших нетрудовых земель (и помещичьих и кулацких), кулачество потеряло часть своих бывших земель — не только купчих, но даже и надельных. Следовательно, «средние данные», приводимые Б. Н. Книповичем, ничего не говорят о перераспределении земель в разрезе социальных слоёв крестьянства. Общеизвестно, как В. И. Ленин разоблачал так называемые «средние данные» в работах дореволюционных земских статистиков.

В. М. Молотов в своём докладе о работе в деревне и затем в заключительном слове на XV съезде ВКП(б) отметил, что «революция произвела коренные изменения социально-экономических отношений в деревне»⁵⁹ и подверг резкой критике работу Центрально-статистического управления (ЦСУ), указывавшего, что крестьянское землепользование увеличилось за 10 лет (с 1917 по 1927 г.) всего лишь на 31 процент. В. М. Молотов сказал, что в таблице ЦСУ «Распределение земель сельскохозяйственного назначения (без лесов) по СССР» главная ошибка заключается в том, что в «обоих случаях (и до и после революции) все крестьяне зачислены в одну группу, и — как это ни странно! — в таблице ЦСУ нет ни кулаков, ни середняков, ни бедняков, нет никакой классовой, т. е. научной, группировки»⁶⁰. Затем В. М. Молотов отметил, что до Октябрьской революции «беднота и середняки имели в круглых цифрах 60 млн. гектаров, а с.-х. буржуазия 40 млн. гектаров». В результате аграрной революции крестьянство на территории РСФСР (без Сибири, Дальнего Востока и некоторых местностей Северного Кавказа) получило в своё пользование 40 млн. гектаров «нетрудовых земель», и в итоге «вместо

⁵⁷ «Правда» от 24 марта 1926 г. («Земельно-водная реформа в Средней Азии»).

⁵⁸ Сборник «О земле». Вып. 1-й, стр. 29. М. 1921.

⁵⁹ «XV съезд ВКП(б)». Стенографический отчёт, стр. 1049. М. 1928.

⁶⁰ Там же, стр. 1050.

60 миллионов, которые были у середняков и бедняков до революции, они (бедняки и середняки) к настоящему времени на этой территории пользуются 136 млн. гектаров земли, т. е. увеличили своё землепользование больше чем в 2 раза, что вовсе не похоже на жалкие 30 проц., о которых говорит ЦСУ»⁶¹.

В. М. Молотов специально остановился на вопросе о перераспределении земли в результате Октябрьской революции по РСФСР (без автономных республик), указав, что «беднякам и середнякам перешло в результате революции всего 110 млн. гектаров, из которых не менее 50 млн. гектаров было отобрано у помещиков и так называемых частных землевладельцев, уделов и церквей, до 10 млн. гектаров передано трудящимся крестьянам из госземимущества и лесного фонда и около 50 млн. гектаров отобрано от «многоземельных» (кулацких) слоёв деревни для перераспределения её между прежде безземельными и малоземельными группами. «Вот цифры, которые должны прочно держаться в нашей памяти и должны быть известны крестьянам»⁶².

Затем В. М. Молотов сделал следующий вывод:

«Вот исходные факты, определяющие современное экономическое положение деревни по сравнению с дореволюционным. Понятно, что результаты аграрной революции заставляют нас говорить о том, что национализация земли, давшая землю — свыше 110 млн. гектаров — середняцким и бедняцким массам, есть вопрос самый кровный, самый основной всей нашей аграрной революции. Тот, кто прямо или косвенно покушается на нарушение национализации земли, тот злейший враг широких масс крестьянства и рабочего класса»⁶³.

Таковы основные выводы о результатах Великой Октябрьской социалистической революции, о её влиянии на увеличение бедняцко-средняцкого землепользования.

В заключительном слове по своему докладу на XV съезде ВКП(б) В. М. Молотов подчеркнул, что «полный баланс аграрной революции заключается не только в перераспределении земли. Сюда относится, конечно, и инвентарь, в том числе скот, постройки и др... Однако главный элемент аграрной революции, несомненно, — земля»⁶⁴.

При национализации земли и последовавшем на первых же шагах её проведения распределении земель были уничтожены безземелье и малоземелье миллионных масс крестьянства. Великая Октябрьская социалистическая революция, национализировав земли, создала возможность всем трудящимся пользоваться этой поистине освобождённой землёй. Около 3 млн. безземельных дворов впервые получили в своё пользование землю, которой они были лишены в течение веков. Трудно переоценить всё великое значение этого события⁶⁵.

Кроме того прямым следствием национализации земли явилась ликвидация крестьянской задолженности поземельным банкам, помещику, кулачеству, накопившаяся в течение десятилетий на почве кабальных земельных отношений, господствовавших в дореволюционной деревне. Советская деревня окончательно и бесповоротно освободилась от всех пережитков крепостничества, скинув целиком и полностью помещичью кабалу (отработки, штрафы, аренда и т. п.). До Октября более одной

⁶¹ «XV съезд ВКП(б)». Стенографический отчёт, стр. 1051. М. 1928.

⁶² Там же, стр. 1052.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 1228.

⁶⁵ Недаром путь, пройденный советской деревней в 1917—1918 гг. при уничтожении частного землевладения, привлекает пристальное внимание крестьянства ряда стран Европы. После победного окончания войны с фашизмом Югославии, Болгарии, Румынии. Польши демократизация этих стран началась в области сельского хозяйства именно с земельной реформы, направленной прежде всего против крупной земельной собственности.

трети всех крестьянских дворов было вынуждено арендовать у землевладельцев разбросанные, чересполосные и т. п. участки. Крестьяне ежегодно платили за эту аренду «около 500 миллионов рублей золотом»⁶⁶. Октябрьская революция освободила также крестьянство от уплаты долгов банку: «Отчёт крестьянского поземельного банка за 1913 год» исчислял за крестьянами (на 1 января 1914 г.) задолженность в колоссальной сумме — 1 333 637 342 руб. 44 коп. золотом.

Вот почему мы должны признать за «временным» распределением земель значение мероприятия, выполнившего в сложившихся в то время (конец 1917 г. — первая половина 1918 г.) военно-политических и внутрихозяйственных условиях РСФСР определённую историческую роль: оно помогло советской власти в числе других крупнейших её мероприятий (национализация промышленности, организация Красной Армии для защиты от интервенции и помещичьей контрреволюции и др.) привлечь на свою сторону бедноту и середняков. В этот период войны и разрухи важнейшей задачей земельного дела явилась быстрая коренная перестройка аграрных отношений таким образом, «чтобы крестьянство получило твёрдую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет»⁶⁷.

В «Отчёте о деятельности Наркомзема за первые пять лет революции (1917—1922 гг.)» справедливо отмечалось, что «работа НКЗ представляла последовательное развитие заданий, поставленных Народному комиссариату земледелия Октябрьской революцией. Упорядочение земельных отношений требовало прежде всего передачи всех земель нетрудового фонда крестьянскому населению...»⁶⁸

Уничтожение частной собственности на землю, ликвидация безземелья, освобождение бедноты от кабальной зависимости — все эти непосредственные результаты Великой Октябрьской социалистической революции повлияли на процессы нивелировки советской деревни. Аграрные мероприятия, осуществлённые советской властью в первый же год её существования, оказали значительное влияние на классовую структуру крестьянства. Перераспределение земель в 1917—1918 гг. (в особенности в тех районах, где произошли общие переделы, и прирезок — нетрудовых земель и земель наделных) повлияло, без сомнения, на выравнивание социального состава деревни, на её нивелировку. Энергичная борьба комитетов бедноты по перераспределению сельскохозяйственного инвентаря, по пресечению попыток кулачества получить львиную долю при ликвидации нетрудовых хозяйств также помогли бедноте высвободиться из-под вековой кулацкой кабалы. Великая Октябрьская социалистическая революция решительно и бесповоротно раскрепостила деревню во всех отношениях и в первую очередь, конечно, в области отношений земельных, где эти полукрепостнические путы и цепи держались дольше и крепче всего.

Кулацкая верхушка деревни, как мы видели, лишилась большей части своих земель. Беднота же, увеличив своё землепользование и сельскохозяйственный инвентарь (хотя, надо отметить, ещё далеко не в необходимом размере), получила возможность подняться до уровня середняков. Исследователи⁶⁹ этого вопроса отмечают, что в результате «Великой Октябрьской социалистической революции «те резкие грани классового строения крестьянства, которые имели место до революции, — стёрты ею если не совсем, то в значительной мере. В общем и целом получилось более равномерное распределение земли и скота между земледельческим

⁶⁶ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 200.

⁶⁷ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 108.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 478, оп. 2, д. 28, л. 4.

⁶⁹ Хрящева А. «Группы и классы в крестьянстве». М. 1926. 2-е изд.; Книпович Б. «Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 гг.» (ст. в 1-м вып. сборника «О земле»).

населением. Сообразно этому несомненно более равномерно распределялись и другие средства производства»⁷⁰.

В самом деле, посевные группировки хозяйств по отдельным районам дают следующую достаточно наглядную картину⁷¹:

Группа хозяйств	Процент хозяйств																	
	Районы																	
	Централ-землед.		Нижне-Волжский		Приуральский		Белорусский		Центр.-промыш.-лен.		Северный		Приозерный		Средне-Волжский			
	Годы переписи																	
	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919	1917	1919		
Беспосевные	6,5	1,8	10,2	5,3	3,3	1,9	7,4	2,1	13,9	6,4	9,0	4,8	15,7	11,8	7,7	3,8		
Мелкие хозяйства	20,4	19,9	11,7	18,5	8,7	16,8	5,1	20,8	25,0	39,4	14,4	20,2	24,4	46,6	33,2	24,6		
Средние	48,3	63,0	41,7	53,8	50,8	60,8	53,7	71,5	54,0	52,0	68,0	70,8	50,5	39,1	44,2	56,6		
Вышесредние	23,5	15,2	32,8	22,1	36,1	20,1	30,4	5,6	5,6	2,2	8,5	4,2	9,1	22,5	22,9	14,9		
Крупные	1,3	0,1	3,6	0,3	1,1	0,4	3,4	—	1,5	—	0,1	—	0,3	—	2,0	0,1		
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100		

«Краткий курс истории ВКП(б)» так формулирует этот результат Великой Октябрьской социалистической революции в деревне: «В результате известного декрета о земле деревня всё более становилась середняцкой. Середняк составлял теперь большинство крестьянского населения»⁷².

Все эти непосредственные эффективные результаты Октябрьской революции в деревне (уничтожение частного землевладения, нивелировка крестьянства, наделение безземельных и др.) в сильной степени содействовали укреплению военно-политического союза пролетариата и крестьянства и, следовательно, укреплению и окончательной победе социалистической революции в борьбе против белогвардейцев и интервентов.

Вот вывод, который в вопросе о результатах великого аграрного переворота следует считать также одним из основных. Кроме того, как совершенно справедливо отмечают исследователи, «временное распределение» земель помогло крестьянству на практике, в реальной действительности, убедиться в иллюзорности пресловутого лозунга об уравнительности: «Меньше года понадобилось для того, чтобы значительная часть крестьянства изжила мелкобуржуазные иллюзии о спасительности уравнительного землепользования»⁷³.

Совершенно справедливо также отметил проф. П. Н. Першин⁷⁴: «Так как раздел земель происходил зачастую в замкнутых границах весьма мелких территорий (волости и даже отдельные селения) с прилегающими бывш. частновладельческими землями, то фактическое уравнивание землепользования широких крестьянских масс (территориальных) очень часто не достигнуто».

Громадное значение имеет первоначальный этап советской земельной политики и с точки зрения перспектив развития социалистической революции.

Не следует забывать, что Великая Октябрьская социалистическая революция усилила влияние в деревне городского пролетариата: многие фабрично-заводские рабочие (в особенности важна роль петроградских, московских, уральских и других рабочих крупных промышленных цент-

⁷⁰ Хрящева А. «К характеристике крестьянского хозяйства революционного времени». «Вестник статистики» № 5—8, стр. 99. 1920.

⁷¹ Там же, стр. 98.

⁷² «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», стр. 223.

⁷³ Баевский Д. «Вопросы истории» № 5—6, стр. 4. 1945.

⁷⁴ «Нормы землепользования при распределении земель 1918 года» (журн. «Сельское и лесное хозяйство» № 5—6, стр. 95). 1922.

ров) пришли в 1917—1918 гг. в деревню и стали заниматься сельским хозяйством (главным образом в первых сельскохозяйственных коллективах), активно работать в советах, комитетах бедноты, борясь с кулачеством и другими антисоветскими силами.

Национализация земли в СССР заложила прочный фундамент для социалистического строительства в деревне. В. И. Ленин указывал, что «национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»⁷⁵. Строительство коллективных хозяйств, переход от мелких, индивидуальных хозяйств к крупному, коллективному начался немедленно вслед за Октябрьской революцией. Ещё в 1917 г. в Петроградской губернии уже насчитывалось более 30 коллективных хозяйств⁷⁶. И. В. Сталин отметил, что для того чтобы перейти на путь колхозов, «надо было прежде всего проделать Октябрьскую революцию, свергнуть капиталистов и помещиков, отобрать у них землю и заводы и поставить новую промышленность».

С Октябрьской революции и начался переход на новый путь, на путь колхозов»⁷⁷.

Уничтожение частной земельной собственности освободило деревню не только от гнёта помещиков и кулачества. Весьма важно также указание И. В. Сталина о том, что Октябрьская революция «вымела дочиста грязь средневековья. Для деревни это имело... поистине решающее значение»⁷⁸. Национализация земли в СССР освободила крестьянина от «рабской приверженности к своему клочку земли», облегчив «тем самым переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному, коллективному хозяйству»⁷⁹.

⁷⁵ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 403.

⁷⁶ «Отчёт НКЗ XII Всероссийскому съезду Советов», стр. 78. 1925 год.

⁷⁷ И. В. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 411. 11-е изд.

⁷⁸ Там же, стр. 160.

⁷⁹ Там же, стр. 281.